

лотистаго цвѣта, то искраціеся, какъ шерсть, то мягкіе и свѣтлые, какъ паутина, на тонкую шею, покрытую нѣжной кожей, съ легкимъ загаромъ назади, на всю ея гибкую фигуру. Со вздохомъ онъ сказалъ:

— Comme je t'aime!

Она улыбнулась и беззвучно прошептала что-то.

— Что, что? — спросилъ онъ.

— Rien. C'est la même chose, — отвѣчала она. — Тоже, что и вчера.

— А что ты сказала вчера?

Она покраснѣла и разсмѣялась.

— Боже, какъ я рѣшилась сказать это при всѣхъ... Боже!

Они остановились на краю обрыва.

— Я брошу тебя туда, если ты не повторишь. Слышишь?

Глаза его смѣялись, чудные добрые глаза, одинъ темно-карий, другой темно-сѣрый, и румянецъ игралъ на загорѣлыхъ щекахъ.

— Брось! — сказала она шаловливо.

— Хорошо!

Онъ схватилъ ее на руки и приподнял на воздухъ.

— Пусти меня! Tu me fais mal!

— Скажи...

— Ахъ, какой любопытный... Ecoute donc!

Коса ея упала и расплелась. Платье касалось земли. Она повернула къ жениху почти пунсовое лицо.

— Ecoute! — повторила она, и опять беззвучно прошептала что-то ея губы, лѣниво раскрылись до половины.

— Я ничего не слышалъ, — произнесъ онъ, раскачивая дѣвушку на сильныхъ рукахъ. — Вотъ я тебя!

— Laisse moi, Федоръ Игнатьичъ, laisse moi! — закричала она.

Онъ почувствовалъ, что у него кружится голова. Тогда онъ поставилъ дѣвушку на землю и, тяжело дыша, поднесъ ко лбу руку.

— Я усталъ, — сказалъ онъ. — Но когда-нибудь я добьюсь своего... Tu me diras tout!

Она приводила въ порядокъ волосы и смѣялась сконфуженнымъ смѣхомъ, глядя на жениха большими влажными глазами.

— Дѣти, обѣдать! — крикнула издали Варвара Тихоновна, показываясь между деревьевъ.

Федоръ Игнатьичъ и Раиса вздохнули вдругъ разомъ и торопливо пошли на встрѣчу маман.